

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Их было 1.418 — многотрудных и героических дней великой битвы в защиту Советской Родины. Но у каждого участника войны есть среди этих дней такие, что запомнились чем-то особо. Чем? Об этом рассказывают ветераны Великой Отечественной войны.

Первыми берут слово:

Герой Социалистического Труда, рабочий Московского завода электровакуумных приборов Юрий Николаевич ДЯКОВ.

В 1941-м мне было шестнадцать, и потому в армию пока не взяли. Я жил в Москве и вместе со взрослыми дежурил на крышах домов, оберегая город от бомб-«зажигалок». Но, как все мальчишки моего возраста, был убежден, что истинное место в тяжкой для Родины час там, на фронтах Великой Отечественной.

В 1942 году все же добился: меня отправили в Муромскую школу снайперов. На фронте сменил не одну военную «профессию»: был пулеметчиком, минометчиком, командовал зенитной батареей.

Самый памятный день войны — 2 мая. Тогда был взят Берлин, и над рейхстагом взвилось алое Знамя Победы.

На нашем участке фронта, где-то в 20 километрах от города Росток, война тоже окончилась в тот день. Передовые части, потеснив в своем последнем бою противника, вышли навстречу союзным войскам.

Ночь была не в счет! Никто и не думал сомкнуть глаз! Обнимали друг друга, целовались, плакали...

2 мая я в последний раз выстрелил из своего зенит-

ного орудия. И этот, самый последний залп был самым мирным. Это был наш солдатский салют — Победе.

Народный артист РСФСР Евгений ВЕСНИК.

9 мая 1945 года войска 3-го Белорусского фронта, где я воевал, находились уже за Кенигсбергом. Весть о Победе распространилась мгновенно. Прошедшие сквозь огонь и смерть мужчины не стыдились слез... Но вслед за этим другая весть: фашисты капитулировали на всех фронтах... кроме нашего. Мы должны как можно быстрее сломить это сопротивление, ликвидировать курляндскую группировку гитлеровцев. Но и предстоящие бои, и даже страшная мысль о том, что можно погибнуть и после Победы, не могли заглушить бурной радости и гордого ликования: встояли, победили! Мощным салютом отметили мы, артиллеристы, этот великий день, и... сжав в комок волю, зашагали дальше.

И, о чудо, бой, последний бой войны, не состоялся: фашисты предпочли капитулировать. Мы узнали об этом в пути, 12 мая.

Среди памятных дней войны — и другой, тоже весенний, апрельский, где-то на подступах к восточно-прусскому городу

Гольдап. Накануне сражения предстояло достать «языка».

Быстроходный «виллис» мчался на НП одной из наших стрелковых дивизий, а в небе шел воздушный бой. Огненным камнем прочертил небо, стремительно понесся вниз подбитый «Фокке-Вульф». Но фашистский летчик оказался жив. Из-за дымовой завесы вспыхнул вдруг белым облачком купол парашюта.

Но к нему еще нужно было подобраться, не попав под пулю врага. Провоцируя немца на выстрелы, я дал ему возможность «отстреляться» полностью: не сомневался, что и последний патрон он пустит не в себя, а пошлет в мою сторону.

Так и случилось. Я тоже был вооружен только пистолетом, но пришлось пустить в ход не его, а все мои знания немецкого языка. Их было вполне достаточно, чтобы «посоветовать» гитлеровцу вести себя «прилично», за что обещал ему сохранить жизнь. Это оказался очень ценный «язык». Много важного рассказал тогда этот совсем еще молодой летчик. При обiske у него была обнаружена оперативная карта с подробным и точным — для пилотов — указанием расположения на данной территории вражеских войск.

Танковая дивизия противника была уничтожена, задание — выполнено. Я получил тогда вторую медаль «За отвагу».

И еще один очень дорогой для меня день войны... Был тогда январь 1945-го. Мы уже освобождали Восточную Пруссию, форсировали Неман и, подобравшись поближе к противнику, устроили свой наблюдательный пункт. Вдруг меня срочно вызывают в штаб бригады. Такое могло быть только при обстоятельствах особой важности. Мчусь на своем повидавшем виды «виллисе», но из бригады меня в таком же срочном порядке переправляют в штаб армии. Еще через полчаса докладываю: «Товарищ генерал-майор, гвардии лейтенант Весник по вашему приказанию явился!» Приказ: «срочно» napravиться в дом напротив. Недоумеваю, но расспрашивать неудобно.

...В переполненном зале — офицеры, на сцене идет спектакль. Говорят, смешной — не помню... потому что узнаю: в составе специального фронтального театра — выпускники родного щепкинского училища, из стен которого второкурником я ушел на фронт. Ребята узнали, что я где-то здесь, попросили, если можно, разыскать. И вот сняли меня с передовой, отпустили, по тем временам, в «глубокий тыл». Нет, не помню, о чем пьеса, наверняка комедия, потому что весело все смеялись. Я плакал... Дорогая, забываемая встреча.